



Тебе я верен был, Синара! По-своему.

Эрнест Доусон,

«Non sum qualis eram bonae sub regno Syparae»



Глава первая

Мысленно я вижу все достаточно четко. Торн Блаффс. Семнадцатое декабря. Их четвертая годовщина свадьбы.

Он одевается к ужину: угольно-черные саржевые¹ брюки, льняная рубашка цвета наползающего тумана. Черный пиджак свободного кроя, подготовленный и отпаренный Аннунциатой час назад, висящий на расстоянии вытянутой руки на специальной мягкой вешалке. Черные шелковые носки. Черные, начищенные до блеска легкие кожаные туфли.

Надеть ли ему галстук? Он его годами не носил, кроме как на какое-нибудь обязательное мероприятие вроде заседания совета директоров, и то изредка. Или на благотворительный вечер, от которого не удавалось отказаться. Или, конечно, на собственную свадьбу, во время которой горло сдавливал темный галстук-бабочка. Но сегодня вечером не должно быть никакого риска. А расстегнутый воротник может ее спровоцировать.

Он выбирает галстук. Серебристо-серый шелк.

Столик у них заказан на пять тридцать в «Сьерра-Мар». Слишком рано, на взгляд местного бомонда, но ранним

¹ Саржа — ткань с диагональным плетением нитей.

вечером, после второй таблетки клозапина¹, она ведет себя спокойнее всего, да и в любом случае плевать он хотел на высший свет. Все уже продумано заранее. Угловой столик на выступающей застекленной веранде, нависающей прямо над Тихим океаном. Меню: пикантный тарт с грушами и луком, угольная рыба с красной икрой и соусом берблан, шоколадный ганаш. Никакого вина, разумеется: коктейли приготовят из лимонада с лавандой.

Ей не придется ничего выбирать. Ничего решать.

И, возможно, они смогут поужинать без происшествий.

Он надевает пиджак и поводит плечами. Застегивает на запястье тяжелые часы отца, «Брайтлинг». Выходя из гардеробной, он слышит лай двух немецких овчарок снаружи — они явно обеспокоены. Чувствуют угрозу.

У них незваные гости?

Он проверяет мониторы камер слежения: ворота, выходящие на частную дорогу, надежно закрыты. Кто-то приплыл в бухту на лодке? Но море здесь настолько свирепо, что только большое судно смогло бы пройти.

Он выходит на террасу, с которой открывается захватывающий дух вид на океан и утесы. Шторм, бушевавший последние несколько дней, поутих, и закат окрасил последние облака в розовый и золотистый оттенки, сияющие на фоне лазурно-голубого неба. В бухте или дальше, в открытом море, никаких лодок не видно.

Он смотрит на пляж.

И вздрагивает.

Она стоит прямо у границы разбивающихся о берег волн. Длинные светлые волосы развеваются на ветру,

¹ К л о з а п и н — антипсихотический препарат, нейролептик.

асимметричный подол легкого светло-голубого платья трепещет, подхваченный ветром. Сейчас она напоминает причудливый морской анемон, ранее живший в каком-нибудь безмятежном тропическом океане.

Она оборачивается к дому. Видит ли она его?

Он кричит ее имя, но ветер уносит его голос.

Она вновь поворачивается к морю. Делает шаг, ступая прямо в морскую пену. Вода бурлит, закручиваясь у лодыжек, подол платья быстро намокает, утягивая воздушный шелк за собой.

И тут он срывается с места. Бежит через спальню, вниз по парящей лестнице к главному холлу. Вырвавшись наружу, он не сбавляет темпа: вперед, дальше на мыс, через ворота в заборе из высокого частокола и вниз по пролету расшатанных деревянных ступеней по краю утеса. Он сбегает, перепрыгивая через ступеньки, чувствуя босыми ногами впивающиеся занозы, а сразу за ним скачками спускаются немецкие овчарки.

Оказавшись на полумесяце песчаного пляжа, он чуть не падает, споткнувшись о туфельку. Босоножка на серебристом высоком каблуке, почти до смешного узкая и вытанутая: их вручную делают в Милане на заказ.

Но ее саму он не видит, ни на пляже, ни в воде.

Снова выкрикивает ее имя, а затем наугад кидается в бурлящий поток меж двух валунов. Течение невероятно сильное: его тут же накрывает с головой, а намокшая одежда тянет ко дну. Руки пытаются ухватиться за камни, но ледяная сила грохочущих волн одерживает верх. Ремешок часов за что-то цепляется, и этих секунд, пока он пытается его освободить, достаточно, чтобы поймать вздымавшуюся над ним волну, подтолкнувшую его к берегу, и из последних сил выбраться обратно на песок.

Он лежит, тяжело дыша и откашливаясь. Глаза щиплет от соли и песчаной взвеси, а собаки прыгают на него, озабоченно тыкаясь холодными носами.

Теперь и лицо Гектора нависает над ним, непроницаемое, как всегда. Его поднимают на ноги.

Он вытирает лицо руками, оборачивается в поисках серебристой босоножки. Находит и, дав понюхать собакам, отправляет их на поиски по тонкой полоске пляжа. Но вторую туфельку забрало море.

Как и ее саму. Ее больше нет. Никаких сомнений.

Он больше ничего не может для нее сделать.

Ничего, только известить полицию.

Во всяком случае, вот как я это представляю.

Но, опять же, у меня всегда было богатое воображение.

Глава вторая

Мне стоило это предвидеть. Закрытие «Карлотты».

Стоило открыть глаза на происходящее гораздо раньше, до всего. Рейтинги неумолимо падали последние два сезона, спонсоры исчезали, точно пар над остывающим чаем.

Но сериал «Темная Карлотта», шедший на небольшом кабельном канале, для которого я писала сценарий, не вписывался в линейку проектов. Стильный, с долей эротики и нотками черной комедии и готики — от него было невозможно оторваться. В качестве декораций — мрачный горный хребет Адирондак середины девятнадцатого века: мстительные привидения доводили новобрачных до жутких самоубийств, вампиры жадно пили кровь из бокалов, вырезанных из хрусталя, точно «Гряз-

ный мартини»¹, а юные кармелитки были готовы на все, стоило только моргнуть затянутому в кожу сексуальному копателю могил.

Как его могли закрыть?

Я работала над этим шоу с самого начала, как только оно впервые вышло в эфир шесть лет назад, сначала стажером, затем пробившись в команду сценаристов. У меня отлично получалось, и я любила свою работу. Что, возможно, казалось странным, так как сильно «готично» я не выгляжу, с моими-то светло-каштановыми непослушными прядями и прозрачно-серыми глазами, которые обычно выдают все мои настоящие эмоции. И черное я редко ношу — этот цвет делает меня блеклой.

Но меня всегда привлекало все жуткое и зловещее. В детстве я представляла, что у меня под кроватью живет дружелюбный скелетик, Миссис-Крошечные-Косточки, которая стучала своими косточками с каждым раскатом грома. На Хеллоуин — никаких тиар принцесс. «Я хочу быть мумией!» — настаивала я. И мама, вопреки своему тонкому театральному вкусу, храбро бинтовала меня от шеи до макушки марлей, которую предварительно вымачивала в холодном чае, чтобы она выглядела естественно истлевшей.

Может, эта привычка появилась из-за того, что, когда мне было три года, исчез мой отец. В то время я, конечно, ничего не понимала про смерть и знала только, что сначала у меня был папа, на чьих коленках так удобно было сидеть и качаться и за чьи медные кудри мне так нравилось дергать, а потом его не стало.

¹ «Грязный мартини» — коктейль на основе водки, сухого вермута и жидкости от консервированных оливок (маслин).

- Где папочка? — спрашивала я.
- Милая, с ним произошел несчастный случай.
- Но куда он ушел?
- Солнышко, засыпай. Я оставлю ночник.

Мой отец исчез. А потом в каком-то смысле умерла и мама. Она так и не вышла замуж снова. Каждый соискатель получал от ворот поворот, а всю свою страсть она вложила в творчество, выступая в общественном театре и променяв романтику в реальной жизни на игру на сцене.

Так что да, мне нравилось, когда мертвые возвращались — пусть и в виде громохочущих костей, или монстров в полусгнивших обрывках одежды, или в виде цедящих кровь вампиров.

И да, шоу вроде «Темной Карлотты» было именно тем, что мне нужно.

А потом и оно исчезло из моей жизни.

Одним грозовым октябрьским утром главный сценарист, Уэйд О'Коннор, вызвал меня к себе в кабинет. Уэйд был одновременно и моим начальником, и близким другом — красивый мужчина с намечающимся вторым подбородком от привычки тянуть себя в этом месте за кожу, когда он нервничал. Сейчас он дергал за нее как сумасшедший.

— Плохие новости, Джени. Тебе лучше присесть.

Внутри все похолодело. Еще больше плохих новостей я просто не выдержу. Не сейчас, когда сладкий до тошноты запах цветов с похорон матери еще так свеж в памяти.

— Что случилось?

— Нас закрывают. В конце следующего месяца.

— Закрывают? — Какая-то бессмыслица. Не понимаю.

— Да. Поставят вместо нас какую-то передачу про здоровый образ жизни. Будут рассказывать про шестиминутные кардиотренировки и ягоды, лечащие рак. Что-то вроде того. Прости, что именно мне пришлось быть «вестником беды».

Я уставилась на фото звезд нашего шоу, висящие на стене над головой Уэйда. Идеальные зубы. Густые волосы. Они выглядели похожими друг на друга, будто члены одной семьи. Но мы же и были как семья, верно? Актеры и съемочная группа, одна большая дружная семья.

Ложь!

Мне хотелось сорвать эти скалящиеся лица со стены и разбить их о стол Уэйда, хотелось кричать и переворачивать мебель от ярости. Но я этого не сделала. Вместо этого прибегла к маминому выражению на случай всех бед, от смертельной болезни до потерянного рецепта печенья с тмином:

— Черт, черт, черт.

То было в октябре, а сейчас уже конец мая, и я сижу, скрестив ноги, у окна своей квартиры в Коббл-Хилл, допивая бутылку «Сансерре», открытую бог знает когда, потому что по вкусу уже больше похоже на уксус. На коленях опасно балансирует ноутбук. Я выделила полдень для разбора счетов — точнее, для их мрачного собирания. Стоит холодная мокрая весна, один унылый день следует за другим, и угрюмый дождь за окном в такт барабанит по подоконнику.

Я провела без работы почти восемь месяцев. Поддержала за каждую ниточку, постучала в каждую дверь, но за последний год волной прокатились отмены телешоу и увольнения, вызвав наводнение из писателей из

шоу помасштабнее, которые стучали в те же самые двери. «Просто продержись до осени, — посоветовал мой агент. — Летом всегда затишье, а потом все снова пойдет в гору».

Но мое выходное пособие закончилось еще в марте. А сбережения, и так немногочисленные, быстро становились плодом воображения. Я просыпалась в три часа ночи от уже привычной подступающей паники. Цена за аренду квартиры была непомерной, даже для Бруклина, и я без конца листала сайты в поисках места подешевле и как сумасшедшая рассылала сообщения всем знакомым. Но варианты были просто отвратительными.

А счета тем временем продолжали приходить.

Я глотнула еще вина для храбрости и открыла первое сообщение.

«Услуги ухода за больным. \$2,647.19. СЧЕТ ПРОСПРОЧЕН».

Черт. Я и забыла об этом. Спустя девять месяцев после того, как мне удалось (пусть и противозаконно, до рассвета) рассеять прах с набережной в Ошен-Сити, счета, которые не покрывала страховка, продолжали приходить. Я хотела, чтобы за мамой был самый лучший уход. И не жалела об этом. Но теперь неожиданно все снова накатило: ее обеденный уголок, превратившийся в больничную палату; шкафчик с сувенирами, теперь битком набитый пузырьками и шприцами; пищащие мониторы на буфете и бесконечный скрип ботинок на толстой подошве по линолеуму.

Растущий пузырь потери, горя и вины разорвался в груди. Я спрыгнула с подоконника и поплелась на кухню, где перелила остатки вина в бокал. Слишком много алкоголя. Но мне плевать.

Телефон звякнул, и я подняла трубку.

— Так ты жива, — раздался жизнерадостный баритон Отиса Фэрфакса. — А чего на сообщения не отвечаешь?

— Прости, еще не проверяла сегодня почту.

— Ого, судя по голосу, тебе там совсем плохо.

— Ну да, наверное, — вздохнула я. — Льет без остановки, и чувство, будто весна никогда не наступит. То есть настоящая весна, с цветущим кизилом, нарциссами и всем остальным.

— Точно. Это все из-за дождя.

Он меня слишком хорошо знал. Ближе Отиса у меня никого не было. Как младший братик, который постоянно разбивает машины, вылетает с работ, а потом клянется, что в этот раз возьмет себя в руки, и даже если не веришь до конца, то как минимум искренне хочешь поверить. Два года назад он переехал в Калифорнию, где успел поучиться и вылететь из кулинарной школы Саусалито, и несколько месяцев от него не было ни слуху ни духу.

— Где ты? Все готовишь тапас в том кафе?

— Господи, нет. Ушел давным-давно. Управляющий — просто маленький Муссолини. Я сейчас в Биг-Суре, работаю у кузена. У него поместье на побережье, роскошное, виды просто сногшибательные. Называется «Торн Блаффс», и я его личный шеф-повар и вроде помощника по всем вопросам.

— Звучит отлично.

— Так и есть, вот почему я и звоню. Получил от тебя сообщение по почте, что ты ищешь новое жилье, так вот послушай. Тут есть коттедж. Очень милый, никто им не пользуется. Можешь перебраться сюда совершенно бесплатно, на лето, а может, и дольше.